

Глазунов Николай Геннадьевич

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Статья посвящена анализу проблемы легитимности власти, которая приобретает особую остроту в эпоху социальных преобразований. Если ограничиваться функциональным аспектом проблемы, то она будет сужена до вопросов об источниках легитимности и факторах, ее обеспечивающих, а в условиях общественных преобразований легитимность приобретает для дееспособности власти первостепенное значение. Власть должна перманентно обеспечивать собственную легитимность, ибо это решающий фактор управляемости социальными процессами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 69-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари.** Тарих-и шейх Увейс / пер. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984. 160 с.
2. **Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсанов А. Р.** История Дагестана с древнейших времён до конца XV в. Махачкала, 1996. 460 с.
3. **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и её падение. М. – Л., 1950. 478 с.
4. **История Дагестана с древнейших времён до XX века.** М., 1958. Т. I. 627 с.
5. **Киракос Гандзакечи.** История Армении / пер. Л. А. Ханларяна. М., 1976. 353 с.
6. **Криштопа А. Е.** Дагестан в XII – начале XV в.: очерк политической истории. М., 2007. 227 с.
7. **Петрушевский И. П.** Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов: 1256-1353 гг. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 228-259.
8. **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей / пер. Л. К. Арендса. М. – Л., 1946. Т. III. 340 с.
9. **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей / пер. Ю. П. Верховского. М. – Л., 1960. Т. II. 248 с.
10. **Рыжов К. Н.** Все монархи мира: мусульманский Восток VII-XV вв. М.: Вече, 2004. 544 с.
11. **Тизенгаузен В. Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. – Л., 1941. Т. II. 308 с.

EASTERN CAUCASUS IN GOLDEN HORDE AND KHULAGUIDS' POWER INTERRELATIONS SPHERE

Murad Tagirovich Gadzhimuradov, Ph. D. in History
Department of Classical Disciplines
Dagestan State Institute of National Economy
murad-docent@mail.ru

The author studies military-political situation within Eastern Caucasus in the XIIIth-XIVth centuries, during the period of the confrontation between Golden Horde and Khulaguids-ilkhans' power, covers in detail military actions between these states for the rich lands of Western Caspian Sea region, where the transit trade route of international significance was laid; and basing on sources analysis shows that the main struggle was for Derbent, which was a sort of a "gateway" from Asia to Europe and therefore had important economic and strategic significance.

Key words and phrases: Golden Horde; Khulaguids-ilkhans' power; Derbent; Eastern Caucasus; struggle for spheres of influence; military campaigns.

УДК 316.422

Статья посвящена анализу проблемы легитимности власти, которая приобретает особую остроту в эпоху социальных преобразований. Если ограничиться функциональным аспектом проблемы, то она будет сужена до вопросов об источниках легитимности и факторах, ее обеспечивающих, а в условиях общественных преобразований легитимность приобретает для дееспособности власти первостепенное значение. Власть должна перманентно обеспечивать собственную легитимность, ибо это решающий фактор управляемости социальными процессами.

Ключевые слова и фразы: легитимность; типы легитимности; социальные преобразования; социальное действие; кризис; управляемость социальными процессами; идеология.

Николай Геннадьевич Глазунов, к. филос. н.

Кафедра межкультурной коммуникации и регионоведения
Самарский институт – Высшая школа приватизации и предпринимательства
nickglazunov@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ[©]

Потребность в социальных преобразованиях имеет объективный характер. Эта потребность – свидетельство невозможности для существующей социально-экономической и политической системы функционировать в прежнем качестве. Эта потребность какое-то время может игнорироваться властью и обществом, но рано или поздно кризисный потенциал реализуется, и чем дольше он искусственно сдерживается, тем более разрушительным будет его влияние на социальную систему.

Одна из важнейших задач власти – максимально оперативная реакция на кризисные процессы. Преодоление кризисных явлений может потребовать существенного реформирования существующих социально-экономических и политических структур, а для этого власть должна обладать безусловной легитимностью, которая позволит ей осуществлять назревшие преобразования.

Проблема легитимности, начиная с работ М. Вебера, занимает существенное место в социально-философских, социологических и политологических исследованиях. Как известно, М. Вебер выделял три типа

легитимности [3, с. 112-118]. Конечно, отмеченные им типы во многом являются идеальными конструкциями, и в «чистом» виде ни один из этих типов реально никогда не существовал. На протяжении истории любой страны мы можем проследить различные комбинации этих типов. Вместе с тем, в качестве инструментов теоретического анализа они представляют интерес для исследователя, так как позволяют освободить познавательное поле от второстепенных проблем и сосредоточить внимание на основополагающих факторах.

Первый тип легитимного господства – легальный. Этот тип наиболее распространен в странах, чей социально-экономический и политический уклад близок западноевропейской модели. Речь здесь идет не только собственно о Европе, но и о странах, которые восприняли эту модель, например, США, Австралия, Южная Корея, Япония и т.д. Легальный тип господства строится на том, что социальная система в течение продолжительного времени формирует институты, ответственные за создание и поддержание социального консенсуса. Эта модель функционирует благодаря отлаженной системе выборов, идейного плюрализма, находящего свою институционализацию в деятельности различных политических партий, профсоюзов и т.д. Легальный тип господства немалым образом развитой и эффективно функционирующей правовой системы, а также высокого уровня правосознания граждан. Именно этот тип легитимации может быть с наибольшим основанием охарактеризован как правление «законов, а не людей», ибо закон признается всеми – и управляющими, и управляемыми – в качестве основы социального взаимодействия. В странах с легальным типом легитимации власти процесс социальных преобразований основывается, если воспользоваться терминологией М. Вебера, на целерациональных мотивах социального действия [2, с. 637]. Имеющиеся проблемы анализируются в процессе широкой общественной дискуссии, и мандат на преобразования (посредством выборов) получает та социально-политическая сила, которая предлагает наиболее привлекательный, с точки зрения избирателей, способ решения проблем.

Второй тип легитимации власти – традиционный. Он обеспечивает функционирование социальной системы, исходя из многовековых традиций социально-политической практики. Данный тип легитимации является древнейшим типом, опираясь на который власть обеспечивала свою дееспособность на протяжении большей части человеческой истории. Определенные элементы традиций как способа легитимации власти находят свое место и в современном мире, например, в рамках легального типа господства. Ярким примером здесь может служить Великобритания, в которой, как известно, не существует единой конституции. Комплекс законодательных актов, принятых в течение нескольких веков, обеспечивает эффективное функционирование социальной, экономической и политической сфер жизни общества именно благодаря устоявшейся традиции правоприменения. Своеобразным залогом эффективного функционирования данной системы является согласие граждан на то, чтобы эти традиции обеспечивали функциональность социальной системы. Традиционный тип легитимации власти, как самостоятельный тип легитимации, в течение минувшего века практически повсеместно переживал упадок, и сейчас, пожалуй, нельзя говорить о нем как о самостоятельном и самодостаточном.

Кризис традиционализма, столь ярко проявившийся в XX веке, спровоцировал появление своеобразнейшего типа политического господства – харизматического. Понятие харизмы (греч. *charisma* – божественный дар), несмотря на отсутствие общепринятого толкования данного понятия, стало играть существенную роль в социальных исследованиях и в социальной практике благодаря М. Веберу. Харизматический тип господства наиболее ярко проявил себя в странах, которые переживали острый кризис традиционализма. Отечественные специалисты по западной социологии отмечают, что «Вебер рассматривает харизму как великую революционную силу в традиционном типе общества, способную внести изменения в лишенную динамики структуру этих обществ» [3, с. 114].

Харизматичный способ легитимации основан на аффективном типе социального действия. Он предполагает веру последователей какого-либо исторического деятеля в его особые, едва ли не сверхъестественные способности – политика, полководца, социального или религиозного реформатора и т.д. Харизма в данном случае может базироваться как на религиозной доктрине, так и на каком-либо идеологическом учении. Особенно «богат» на харизматических деятелей был XX век: в СССР – это В. И. Ленин и И. В. Сталин; в Германии – А. Гитлер; в Италии – Б. Муссолини; в Китае – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин; на Кубе – Ф. Кастро; в Испании – Ф. Франко; в Северной Корее – Ким Ир Сен; в Ливии – М. Каддафи и т.д. Примечательно, что большинство из вышеуказанных стран – СССР, Китай, Куба, Испания, Ливия – переживали острый кризис традиционного общества и осуществляли различные варианты реформирования социальных структур и социальной модернизации именно в поисках выхода из кризиса традиционализма.

Именно в эпоху социальных преобразований власть особенно остро испытывает потребность в легитимности. Как правило, проблемы, стоящие перед страной, вступившей на путь социальной модернизации, глубоки и серьезны. Только сильная, уверенная в себе власть, легитимность которой не ставится под сомнение большинством населения страны, способна решать стоящие перед страной задачи.

Вопрос легитимности – шире вопроса законности власти, в чем бы она не находила свое право на господство – в религиозной санкции, как в условиях абсолютных монархий Средневековья и Нового времени, или в процедурах народного волеизъявления, как в современных демократиях. Например, законность неограниченной власти Петра I практически никем не оспаривалась. Вера в божественное происхождение царской власти в тотально-религиозном российском обществе была столь непоколебима, что это позволяло Петру I осуществить радикальный переворот в исторической судьбе России, за что Н. А. Бердяев даже называл его «большевиком на троне» [1, с. 29]. Однако преобразования царя-реформатора спровоцировали глубочайший социальный и культурный разлом в российском обществе. Около двухсот лет, с эпохи Петра I до русских революций

начала XX века, между властью, с одной стороны, и народом, с другой, неуклонно углублялась пропасть отчуждения и непонимания. В результате, как отмечает один из крупнейших отечественных экономистов и социологов начала XX в. П. Б. Струве, события 1917 года явились ничем иным как реакцией почвенных сил на стремительную модернизацию российского общества, начатую реформами Петра I [4, с. 124].

Любые социальные преобразования по определению являются стрессом для общества. Поэтому, если мы говорим о современных моделях социальной модернизации, то их инициаторы, как правило, стремятся получить свою легитимность на необходимые преобразования в согласии общества, в общественном консенсусе, в четком осознании имеющихся проблем и согласии в средствах достижения поставленных целей. С одной стороны, это значительно усложняет и удлинняет по времени процесс преобразований, ибо современная власть не обладает столь безграничным кредитом доверия как, например, во времена Петра I. С другой стороны, реформирование общества протекает в режиме, который принят самим обществом как необходимый. Это существенно снижает конфликтность проводимых преобразований.

Эпоха социальных преобразований – одна из самых опасных для легитимности власти, ибо неудача социальных преобразований, в крайнем случае, грозит крахом не только самой власти, но и страны.

Даже в тоталитарном государстве, где создается иллюзия полной самодостаточности власти и ее автономности от общества, легитимность является для власти важнейшей проблемой. Легитимность может обеспечиваться чем угодно – религией, идеологией, этикой – главное, чтобы большая часть населения признавала такую легитимацию достаточной и необходимой. В этом – залог способности власти исполнять свои функции. В противном случае, власть достаточно быстро утратит контроль над социальными процессами, и примеров, это подтверждающих, – огромное количество. Так, царская власть в России в начале XX в. не смогла адаптироваться к изменившимся социально-политическим условиям, что превратило ее к 1917 году в анахронизм, лишенный эффективных способов влияния на процессы, протекающие в обществе.

Особенно нагляден здесь пример Советского Союза эпохи перестройки. К моменту прихода к власти М. С. Горбачева советская идеология, безусловно, являлась одним из решающих факторов легитимации существующих социальной, политической и экономической систем. Политический порядок получал свою опору в согласии индивидов, принимающих, поддерживающих и руководствующихся в своей деятельности идеями и ценностями, содержащимися в советской идеологической системе. Не подлежит сомнению, что в середине 80-х годов XX века советская идеология не имела серьезных идейных конкурентов внутри страны. Она достаточно эффективно справлялась с функциями целеполагания, ориентации, мотивации и мобилизации общества. Советская идеология являлась важнейшим фактором, обеспечивающим легитимность советского строя и КПСС как основного стержня власти в стране.

Пример Советского Союза с наглядностью демонстрирует ту колоссальную роль, которую играет идеологическая система в легитимации власти и в самом существовании государства.

Если не считать возможности репрессивного аппарата, то советская идеология, базирующаяся на идейном наследии К. Маркса и В. И. Ленина, являлась фактически единственным способом легитимации советской власти, ибо от другого мощного фактора легитимации – религии – советская власть изначально отказалась, видя в ней серьезного конкурента.

К моменту прихода к власти М. С. Горбачева серьезные экономические проблемы, имевшиеся в стране, были очевидны. Сложность вопроса во многом превосходила проблему дефицита товаров повседневного спроса. Советская экономика испытывала системные трудности, которые правительство М. С. Горбачева постаралось решить мобилизацией внутренних резервов экономической системы. Изначально был выдвинут лозунг «За ускорение и перестройку!». Примечательно, что перестройка, с которой прочно ассоциируется имя Горбачева, здесь стоит на втором месте, а призыв к ускорению – на первом месте. Имеющиеся проблемы советской экономики воспринимались руководством страны как «технические» проблемы, которые могут быть достаточно быстро устранены. Однако достаточно быстро тщетность этих надежд стала очевидна, и основной упор стал делаться именно на перестройку всех несущих опор советской экономики.

Критика советского исторического опыта, экономического и социально-политического уклада и самих основ советской идеологии, развернутая в годы перестройки, нанесла сокрушительный удар по легитимности власти. Тотальная критика всего советского наследия эволюционировала в тотальное отрицание политического уклада, модели экономического развития, идеологических постулатов и т.д. Одновременно с критикой советской идеологии шел активный процесс внедрения в общественное сознание альтернативной идеологии – либеральной. Идеологическое поле было полностью покинуто советской властью, а ведь именно идеология обеспечивала этой власти легитимность в глазах народа. Наложение двух процессов – кризиса советской идеологии и массовая переориентация на идеологию либерализма – рано или поздно должно было привести к устранению более слабого элемента элементом более сильным; с точки зрения массового сознания – более привлекательным и перспективным.

Крах Советского Союза, очевидная взаимосвязь ревизии советской идеологии с последующим кризисом легитимности власти и разрушением социально-экономических структур позволяют по-новому оценить модель развития Китая в эти же годы.

Приход к власти Дэн Сяопина положил начало не только экономическим реформам, но и переосмыслению отдельных событий недавней истории Китая. Дэн Сяопин понимал, что без отказа от ряда фундаментальных положений недавней политики «великого кормчего» дальнейшее социально-экономическое развитие страны невозможно. В частности, была подвергнута критике культурная революция, сотрясавшая страну десять лет, и которую Мао Цзэдун считал одним из важнейших своих достижений. По оценкам маршала

Е. Цзяньина, непосредственными жертвами культурной революции оказались около 20 миллионов человек, а различного рода репрессиям подверглось около 100 миллионов граждан. Экономический ущерб составил колоссальную сумму в 800 миллиардов юаней. Старейший китайский писатель Ба Цзинь говорил о культурной революции, что повторения подобного бедствия, как «культурная революция», страна не переживет [5, с. 270]. Разумеется, продолжение подобной политики было неприемлемо, несмотря на то, что данная политика осуществлялась под непосредственным контролем Мао и четко ассоциировалась с его именем. С другой стороны, с именем Мао Цзэдуна было связано освобождение Китая от японской оккупации, победа над Чан Кайши и провозглашение КНР. Следовательно, радикальный пересмотр маоизма мог нанести непоправимый ущерб авторитету КПК, дестабилизировать ситуацию в стране, существенно подорвать легитимность власти и лишить ее приоритета в определении путей развития страны. Дэн Сяопин не мог допустить подобного сценария развития событий, поэтому была разрешена лишь выборочная критика деятельности Мао Цзэдуна, его отдельных решений, но в целом идеи маоизма были закреплены в основных партийно-государственных документах как важнейшие ориентиры в процессе социально-экономического развития Китая. Дэн Сяопин сознательно избегал углубления ревизии идейно-политического наследия бывшего руководителя, ибо это могло внести дезорганизацию в жизнь страны. На рубеже 1970-1980-х годов маоистская идеология являлась, фактически, единственным способом легитимации власти, потому что со всем прочим идейно-культурным и религиозным наследием (конфуцианство, даосизм, легизм, ламаизм) Мао Цзэдун на протяжении всего своего правления вел беспощадную борьбу. В этих условиях власть категорически не могла себе позволить отказаться от наследия «великого кормчего», так как тридцатилетняя пропаганда идеологии маоизма привела к тому, что только эта система идей была известна каждому китайцу и принята в качестве руководящего ориентира жизни и деятельности. Масштабная критика маоизма породила бы ценностно-ориентационный вакуум в общественном сознании, и в процессе управления властью пришлось бы опираться исключительно на силовые методы, что, как известно, эффективно лишь непродолжительное время.

Когда в 1989 году призывы к форсированной либерализации и отстранению от власти КПК спровоцировали массовые беспорядки в Пекине, власть их очень жестко подавила. События на площади Тяньаньмэнь были не просто выражением студенческого недовольства – это было покушение на основы идеологии и, следовательно, покушение на легитимность власти, чему любая власть всегда будет противиться до конца.

События в Пекине совпали по времени с аналогичными процессами, которые разворачивались в СССР и которые уже тогда несли явную угрозу целостности страны. Опасаясь советского сценария развития событий, Дэн Сяопин резко останавливает все реформы, которые десять лет осуществлялись под его руководством. Как и во времена Мао Цзэдуна, особое внимание вновь уделяется идеологической работе, особенно в армии; активизируется политучеба. В СМИ разворачивается масштабная критика губительного влияния западного либерализма и восхваление революционного прошлого китайского народа и идеалов коммунизма. Подобная работа была далеко небесполезна, так как именно в это самое время окончательно распался Советский Союз, достигнув к концу 1991 года полной идеологической беспомощности, экономического и политического коллапса.

Лишь в 1992 году, выдержав трехлетнюю паузу, Дэн Сяопин объявил о новом этапе реформ. К этому времени ущерб, нанесенный авторитету КПК тяньаньмэньскими событиями, был минимизирован. Социально-политической стабильности и легитимности власти более ничего не угрожало. Население Китая и руководство страны могло вновь сконцентрироваться на далеко идущих структурных реформах экономики, успех которых, в конечном итоге, позволил Китаю в начале XXI века занять место одного из ведущих финансово-экономических центров мира.

Проблема легитимности представляется нам проблемой многофакторной. Доступнее всего анализировать ее с функциональной точки зрения. В этом случае речь будет идти, в первую очередь, об источниках легитимности. В качестве таковых веками выступали традиции, принятые в данном обществе. Особая роль также принадлежала религии, которая в условиях тотального господства религиозного мировоззрения выступала важнейшим фактором легитимации. Недаром сама процедура коронации – вручение монарху верховной неограниченной власти – являлась процедурой религиозной, процедурой признания данного монарха проводником воли Бога на земле.

Однако кризис традиционализма, который может быть отнесен к началу эпохи Нового времени, существенно ослабил возможности апеллировать к божественной санкции власти. Своеобразным символом этого кризиса являлась демонстративная казнь английского короля Карла I – помазанника Божия.

По мере нарастания в европейской культуре секулярных тенденций все отчетливее ощущалась необходимость найти новые источники легитимации власти. Выход был найден, преимущественно, в секуляризации политики. Отныне легитимность обеспечивалась общественным согласием относительно основных целей и ценностей социального развития и механизмов их реализации. На смену религиозной санкции власти пришла идеологическая легитимация посредством обращения к идеологическим системам, разделяемым большинством общества (либерализм, консерватизм, коммунизм, маоизм и т.д.).

Особую остроту проблема легитимности приобретает в эпоху социальных преобразований, через которые периодически проходят все страны. В этих условиях проблема легитимности власти приобретает отчетливую практическую значимость. Любые изменения в социальном агрегате потенциально затрагивают практически все слои общества, затрудняют или даже нарушают сложившиеся социальные отношения, меняют расстановку политических сил, экономических элит и т.д. Если подобные изменения в социально-политических и экономических структурах действительно назрели, и они неизбежны, то власть, принимая

этот объективный вызов, должна располагать в глазах общества достаточной легитимностью для их реализации. Более того, власть не должна рассматривать легитимность как нечто раз и навсегда данное или, если легитимность власти пошатнулась, безвозвратно утраченное. В этом вопросе власть должна демонстрировать перманентную активность, отстаивая свое право на управление.

Проблему легитимности не следует сужать до процедурных вопросов: наличие равных условий для всех участников политического процесса в предвыборный период, честность при подведении итогов голосования и т.п. Власть может черпать легитимность в своей же деятельности. Ведь легитимность, если отойти от узко юридического ее понимания, – это право власти, признаваемое обществом, работать на благо данного общества, исходя из римского принципа «*salus populi suprema lex*» – «благо народа – высший закон». Поэтому любая деятельность власти, будь то в сфере образования, здравоохранения, обороны, пенсионного обеспечения, поддержки материнства и т.п., может являться фактором, укрепляющим легитимность власти, ибо общество будет видеть в деятельности власти заботу о себе. Такая работа власти на благо общества является существенным резервом легитимности власти, которая в процедуре выборов получает лишь свое институциональное оформление, что, в свою очередь, является одним из основных факторов, обеспечивающих управляемость социальными процессами, что имеет особую практическую значимость для обществ, находящихся в процессе социальных преобразований.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб.: Ольга, 1996. 287 с.
4. Задорожнюк И. Е. П. Б. Струве: три малоизвестные работы // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 123-124.
5. Усов В. Н. История КНР: в 2-х т. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. Т. II. 1966-2004 гг. 718 с.

POWER LEGITIMACY PROBLEM UNDER SOCIAL TRANSFORMATIONS CONDITIONS

Nikolai Gennad'evich Glazunov, Ph. D. in Philosophy
Department of Intercultural Communication and Regional Studies
Samara Institute – Higher School of Privatization and Entrepreneurship
nickglazunov@mail.ru

The author analyzes the problem of power legitimacy, which is especially acute in social transformations era, shows that if limited to the problem functional aspect it will be narrowed down to the questions about legitimacy sources and the factors, which ensure it, mentions that legitimacy acquires prime importance for power legal capacity under social transformations conditions, and substantiates that power should permanently ensure its own legitimacy, because it is the decisive factor of social processes controllability.

Key words and phrases: legitimacy; types of legitimacy; social transformations; social action; crisis; social processes controllability; ideology.

УДК 7.072.2

В статье анализируется специфика художественной культуры, которая дает целостное представление о развитии и интеграции разных видов искусства в конкретный исторический период и находит выражение в художественных произведениях. Автор рассматривает искусство как структурно-образующий элемент художественной культуры, а искусствоведение – как фундаментальную науку, ориентированную на изучение художественной культуры в ее целостности.

Ключевые слова и фразы: художественная культура; искусствоведение; интеграция; междисциплинарность; произведение художественной культуры; искусствоведческая рефлексия; художественный образ; симулякр; арт-объект.

Ирина Леонидовна Гольдман, кандидат искусствоведения, доцент
Кафедра туризма
Санкт-Петербургский университет управления и экономики
iragold@mail333.com

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Художественная культура дает целостное представление о развитии разных видов искусства в конкретный исторический период. Результатами художественного творчества (живописцев, архитекторов,